

ЖИЗНЬ КАК БЛАГО

92-летняя ижевчанка Анна Дмитриевна Штанова, воевавшая в Белоруссии в легендарной партизанской бригаде имени Железняка, до сих пор вспоминает это время как самое драматичное в своей жизни. Рассказывает о тех двух годах в лесах Бегомльщины сухо, без лишних эмоций, вставляя время от времени острое словцо.

Фото: из личного архива А.Д. Штановой.

До

Судьба ее не баловала. Родилась в Красивке, на Тамбовщине, в многодетной семье. Жилось трудно, голодно. Одно из самых ярких воспоминаний детства и юности - мама запекает промерзшую картошку, собранную тайно ночью на колхозных полях. И блаженный вкус этого лакомства! «А сейчас жалуются - есть нечего, - замечает Анна Дмитриевна. - Пожили бы в наше время, поняли почему фунт лиха». В 14 вместе с подругой отправилась за лучшей жизнью в Подмоскowie. Сначала была в няньках, потом хозяин устроил трудолюбивую девушку официанткой в солдатскую столовую, к которой были прикреплены охранники местной тюремной зоны. Там Анна познакомилась со своим будущим мужем Кузьмой Кравцом, который увез ее на свою родину в Белоруссию. В Проходцы молодожены прибыли 9 июня, а через три дня после начала войны в их деревню вошли немцы.

Во время

«Деревня, в которой мы жили, была небольшой, всего 35 дворов, - вспоминает партизанка, - и немцы в ней не квартировали, только постоянно устраивали набеги, искали партизан и патроны - последние мы прятали везде, даже там, где держали поросят.

Вскоре после начала войны наш район, Бегомльский, стал настоящим прибежищем для партизан, поэтому немцы особенно свирепствовали с обысками и часто приезжали к нам в Проходцы. Но, опять же, они разными были, и мы быстро научились их различать. Если обычные, не каратели - не зверствовали. Обыщут раз-два и уедут. Мы понимали, что делают они это без конкретной цели - у них нет сведений о партизанах или патронах. Что они проверяют нас, потому что так надо. Среди них попадались даже человеческие. У меня в начале войны мальчик маленький был, он потом умер, так один из немцев показывал мне фотографии своих маленьких детишек и рассказывал, что очень хотел бы их повидать.

Но если в деревню пришли каратели, мы их узнавали по черепам и костям на рукаве, - пощадь не жди. Сгоняли нас в какой-нибудь дом и устраивали обыски, ища партизан. Но, как правило, они уже знали, кого ищут, - среди местного населения предателей тоже было немало. Не забуду, как на моих глазах застрелили учителя, связанного с партизанами. Причем, как он выглядит, не знали - учитель и учитель, но, увидев карточку на стене в одном из домов, уже по ней его опознали. Мужа моего убили. Сколько лет прошло, а я его до сих пор помню, забыть не могу - очень хорошим он был. Он тоже с

партизанами связан был, да еще до войны погони носил, разве этого мало? Расстреляли его, а похоронить не разрешили. Только через 17 дней, после того как ушли каратели из нашей деревни, мы смогли похоронить его по-человечески и крест на его могилке поставить».

В апреле 1942 года в Бегомльском районе был создан сначала боевой отряд, а затем и бригада, носящая имя легендарного героя Гражданской войны, партизана-матроса Анатолия Григорьевича Железняка. Бригада, просуществовавшая на белорусской земле до лета 44-го года, разросшаяся до семи боевых отрядов, разгромила 14 вражеских гарнизонов, вывела из строя свыше 30 танков, спустила под откос свыше 50 железнодорожных эшелонов врага. Обеспечила переход на нашу сторону так называемой «Первой русской бригады» Гиль-Радионова, выдержала натиск четырех карательных операций, вывела из строя шоссе Минск-Витебск и помогла быстрому продвижению войск 3-го Белорусского фронта.

Первым руководителем отряда, а затем и бригады стал Степан Манкович, до войны возглавлявший райком партии и оставленный руководством для создания партизанского движения в тылу врага. «О Манковиче хорошо знали в нашей деревне, - рассказывает Анна Дмитриевна. - Знали,

что он партизанит и прячется от немцев. Нам рассказывали, что однажды он просидел несколько часов в колодце, в ледяной воде».

После того как Анна Дмитриевна похоронила мужа и маленького сына, осталась без паспорта, как и все жители Переходцев, - фашисты забрали их якобы для замены на документы нового государства, а на самом деле для того, чтобы знать каждого жителя в лицо. Это было очень удобно, чтобы быстро находить тех, на кого донесли. Так, оставшись без родных, дома и документов, она вместе с жителями окрестных деревень ушла в партизанский отряд Железняка.

«Белоруссия - болотистый край, - рассказывает партизанка о своем пребывании в отряде, - и я не раз видела, как засасывает трясина тех, кто не знает лесных троп. Это очень страшно! Наши отряды, в том числе и госпиталь, в котором я работала санитаркой, располагались на острове, стоящем среди болот, и передвигались мы по тропе, известной только местным жителям. Фашистам-карателям, которые устраивали облавы, дойти до нас было сложно - они не знали дорог и гибли в болотах. Но все же облавы были - предатели выдавали нас и показывали дорогу. Одну облаву я запомнила особенно. Мы сидели в углублении под землей, вырытом наподобие окопа, сверху закрытого досками и всякими ветками, деревьями, и было жутко от того, что по головам ходят фашисты. По-моему, мы даже не дышали, думали: вот сейчас они нас найдут, откинут эти доски и всех расстреляют. Помню, у одной женщины на руках был маленький ребенок, и собравшиеся заставляли ее его душить - своим плачем он мог всех нас выдать. Она отказывалась, толпа напирала. Эта женщина стояла рядом со мной, и я до сих пор не могу забыть ее лицо. Она не стала душить ребенка, просто крепко-крепко прижала к себе. Ребенок посинел, но не заплакал, то ли сил уже не было - он был очень маленьким, - то ли понял чего. После того как каратели ушли и мы вышли наружу, ребенок начал дышать».

Отряд имени Железняка образовался в августе 1942-го, а в декабре был освобожден сначала сам Бегомль, а затем и весь Бегомльский район, ставший партизанской советской республикой. Удивительно, но в тылу врага была территория, освобожденная от фашистов, где над зданием райисполкома реял советский флаг. Летали самолеты, привозившие для партизан оружие, медикаменты, продовольствие. «Наш госпиталь находился в землянке, неподалеку от столовой и жилища партизан, - вспоминает Анна Дмитриевна. - Мы ухаживали не только за ранеными, получившими увечья в боях, но и за теми, кто болел тифом, сыпным и брюшным, - в отрядах было много мест-

Фото: twerfile.ru

ных жителей и беженцев из оккупированных территорий. Постоянно существовала угроза эпидемий, и тиф, как нам говорили, был одной из форм борьбы с партизанами. К счастью, у нас работало много замечательных врачей, зачастую со сложной, даже трагической судьбой - у некоторых из них каратели вырезали семьи, кто-то бежал от фашистов, были и те, кто скрывался от НКВДшников, разыскивавших их за «за помощь врагу». Я хорошо помню опытного и самоотверженного хирурга Алексея Сырникова вместе с женой Яниной Петровной, на операциях которых мы, санитарки вместе с медсестрами, неоднократно присутствовали, каждый раз восхищаясь их мастерством - условия в отряде все-таки были не ахти. Они не только спасли множество жизней, но и людьми были очень хорошими.

Помню до сих пор, как сбрасывали нам с самолетов медикаменты: примерное время прилета мы знали и разводили на острове три костра, которые и показывали, куда нужно сбрасывать лекарства. Опускали их на парашютах. Мы были счастливыми людьми - большого недостатка в лекарствах у нас не было».

Здесь, в отряде, Анна встретила своего второго мужа. Он партизанит, был изранен и лежал в госпитале, где работала Анна. Михаил Гаврилович спас ее от полного одиночества и страха. Он стал отцом ее единственной дочери.

После

После войны Анна вместе с мужем уехала в Самарканд, где обосновался после армейской службы ее отец, - всю войну он сопровождал грузы с оружием. Там семья Гаврилович прожила 16 лет. Не получившая достойного образования, Анна работала по профессии, знакомой ей еще до войны, - официанткой, - а потом кондуктором. Потом был Казахстан, развод с мужем, как-то поднявшим на нее руку, гражданская война, от которой она, уже находясь в весьма почтенном возрасте, была вынуждена бежать в незнакомую Удмуртию. Жила в Шарканском районе, а шесть лет назад вместе с дочерью и внучкой переехала в Ижевск.

«Я долговечная», - говорит сама о себе Анна Дмитриевна. И формулирует так не только потому, что из семьи долгожителей, а потому, что повидала много на своем веку и до сих пор и жить, и чувствовать спешит.

Регина Обухова